

Стивен Кинг

Секционный зал номер четыре

*Часть сборника
Все предельно (сборник)*

Стивен Кинг

Секционный зал номер четыре

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=123727

Все предельно: АСТ, АСТ Москва; Москва; 2010

*ISBN 978-5-17-064309-7, 978-5-403-03156-1, 978-985-16-8046-3,
978-5-271-35020-7*

Аннотация

«Какое-то время очень темно, как долго – не знаю, но думаю, я по-прежнему без сознания. Потом, очень медленно, соображаю, что в бессознательном состоянии люди не ощущают движения во тьме, сопровождаемого слабым ритмичным звуком, издавать который может только вращающееся поскрипывающее колесо. И я чувствую прикосновения, от макушки до пяток, а в нос бьет запах резины или винила. Я в сознании, здесь что-то другое... но что? Ощущения слишком уж конкретные, я определенно не сплю...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

15

Стивен Кинг

Секционный зал номер четыре

Какое-то время очень темно, как долго – не знаю, но думаю, я по-прежнему без сознания. Потом, очень медленно, соображаю, что в бессознательном состоянии люди не ощущают движения во тьме, сопровождаемого слабым ритмичным звуком, издавать который может только вращающееся поскрипывающее колесо. И я чувствую прикосновения, от макушки до пяток, а в нос бьет запах резины или винила. Я в сознании, здесь что-то другое... но что? Ощущения слишком уж конкретные, я определенно не сплю.

Тогда что со мной?

Кто я?

Что вообще происходит?

Скрип колеса прекращается вместе с движением. Материал с резиновым запахом, в который я упакован, потрескивает.

– Куда, они говорят, его? – чей-то голос.

Пауза.

– В четвертый, думаю. Да, в четвертый.

Мы вновь начинаем двигаться, но медленнее. Я слышу шуршание обуви по полу. Подошвы мягкие, возможно, это

кроссовки. Обладатели голосов, они же владельцы кроссовок, вновь останавливают меня. Глухой стук, потом едва слышный свист. По-моему, открылась дверь с пневматическим доводчиком.

«Что здесь происходит?» Я кричу, но крик раздаётся только в моей голове. Губы не двигаются. Я чувствую их, и язык, лежащий на дне рта, как оглушенный крот, но не могу ими пошевелить.

Штуковина, на которой я лежу, катится вновь. Движущаяся кровать? Да. Каталка, другими словами. Мне уже пришлось иметь с ними дело, давным-давно, во время гребаной азиатской авантюры Линдона Джонсона. До меня доходит, что я в больнице, что-то плохое случилось со мной, что-то вроде взрыва, едва не отправившего меня к праотцам двадцать три года назад, и меня будут оперировать. Логичная вроде бы мысль, да только у меня ничего не болит. Если не считать одного пустячка – я до смерти напуган, в остальном со мной полный порядок. Опять же, если санитары везут меня в операционную, почему я ничего не вижу? Почему не могу говорить?

Третий голос: «Сюда, ребята».

Мою каталку разворачивают в новом направлении, а в голосе бьётся вопрос: «В какую я угодил передрыгу?»

«Разве это не зависит от того, кто ты?» – спрашиваю я себя, и тут выясняется, что последнее я как раз и знаю. Я – Говард Коттрелл. Биржевой брокер, прозванный коллегами

Говардом Завоевателем.

Второй голос (аккурат над моей головой): «Вы сегодня просто красавица, док».

Четвертый голос (женский, очень холодный, просто ледяной): «Твоя оценка для меня очень важна, Расти. Не могли бы вы поторопиться? Я обещала няне, что вернусь к семи вечера. Она должна обедать с родителями».

Вернуться к семи, вернуться к семи. Еще вторая половина дня, может, и ранний вечер, но здесь темно, темень, что твоя шляпа, темно, как в заднице у сурка, темно, как в Персии в полночь, так что же происходит? Где я был? Что делал? Почему не сидел на телефонах?

«Потому что сегодня суббота, – шепчет внутренний голос. – Ты был... был...»

БАЦ. Короткий резкий удар. Звук, который мне нравится. Звук, ради которого я в некотором смысле живу. Звук... чего? Удара клюшки для гольфа по мячу, который лежит на метке¹. Я стою, наблюдая, как он улетает в синеву...

Меня хватают за плечи и бедра, поднимают. От неожиданности я пытаюсь закричать. Ни звука не срывается с губ... ну, может, один тоненький писк, гораздо тише скрипа колеса. Может, не срывался и он. Может, мне прислышалось.

Меня несут по воздуху в коконе тьмы... «Эй, только не бросайте, у меня больная спина!» – пытаюсь сказать я, но

---

¹ Метка – горка песка, конусообразная деревянная или пластмассовая подставка, на которую кладут мяч для первого удара.

вновь ни губы, ни зубы не двигаются; язык лежит на дне рта, крот, возможно, не просто оглушенный, а мертвый, и тут у меня возникает ужасная мысль, подталкивающая к пучине паники: если они положат меня не так, а язык соскользнет назад и перекроет трахею? Я же не смогу дышать! Именно это имеется в виду, когда говорят, что «кто-то проглотил язык», не так ли?

Второй голос (Расти): «Этот вам понравится, док, он выглядит, как Майкл Болтон»².

Женщина-врач: «Это кто?»

Третий голос – по звуку молодой человек, почти подросток: «Белый певец, который хочет быть черным. Не думаю, что это он».

Мужчины смеются, женский голос присоединяется к ним (после короткой паузы), а меня кладут, по ощущениям, на набитый ворсом или ватой стол, Расти отпускает какую-то новую шутку, у него их, похоже, неиссякаемый запас. Я ее не воспринимаю, потому что в этот момент меня охватывает безотчетный ужас. Я не смогу дышать, если язык перекроет мне трахею, эта мысль только что буравила мне мозг, но теперь ей на смену пришла другая: а что, если я уже не дышу?

Что, если умер? Что, если это и есть смерть?

Все сходится. До мельчайших подробностей. Темнота. Запах резины. Это сегодня я Говард Завоеватель, уникаль-

---

² Болтон Майкл (р. 1953) – известный музыкант, композитор, исполнитель и автор баллад в стиле соул.

ный биржевой брокер, звезда «Загородного муниципального клуба Дерри», завсегда, как говорят на многих полях для гольфа, разбросанных по всему миру, Девятнадцатой лунки³, но в 1971 году я состоял в санитарной команде в дельте Меконга – испуганный мальчишка, часто просыпающийся с заплаканными глазами, потому что ему снилась оставшаяся дома собака. И я сразу понимаю, откуда мне известны эти ощущения, этот запах.

Святой Боже, я в мешке для трупов.

Первый голос: «Распишитесь вот здесь, док. Нажимайте сильнее... чтобы пропечаталось на всех трех экземплярах».

Звук ручки, царапающей по бумаге. Я представляю себе, как обладатель первого голоса держит папку, в которой лежат три экземпляра сопроводительного листа.

О дорогой Иисус, не дай мне умереть! Я пытаюсь закричать, но ни единого звука не слетает с моих губ.

Но я при этом дышу... не так ли? Нет, я не чувствую, что дышу, но легкие у меня вроде в порядке, они же не трепыхаются, не требуют воздуха, как случается, если надолго уходишь под воду, значит, я в норме?

«Только учти, если ты мертв, – шепчет внутренний голос, – воздуха они требовать не будут, правда? Не будут, потому что мертвым легким дышать не надо. Мертвые легкие могут... обходиться без него».

---

³ Максимальное число лунок на поле для гольфа – восемнадцать. Девятнадцатая – бар в гольф-клубе.

Расти: «А что вы делаете вечером в следующую субботу, док?»

Но, если я мертв, как могу чувствовать? Как могу ощущать запах мешка, в котором лежу? Как могу слышать голоса, вот и док сейчас говорит, что в следующую субботу она будет мыть шампунем свою собаку, звать ее Расти, какое совпадение, и все они смеются. Если я мертв, почему не вышел из тела или не окружен белым светом, о чем постоянно талдычат на ток-шоу Опры?

Резкий треск, словно что-то рвется, и мгновенно я в белом свете, он ослепляет, как солнечный луч, ударивший в разрыв облаков в зимний день. Я стараюсь прищуриться, закрыть глаза, но ничего не выходит. Мои веки неподвижны, как две скалы.

Лицо наклоняется надо мной, блокируя часть света, который идет не от некой астральной плоскости, а от висящих под потолком флюоресцентных ламп. Лицо принадлежит молодому симпатичному мужчине лет двадцати пяти. Выглядит он, как пляжные мальчики в «Спасателях Малибу» или «Мелроуз Плейс»⁴. Разве что интеллект у него гораздо выше. Из-под небрежно надетой зеленой хирургической шапочки торчат черные волосы. Глаза у молодого человека темно-синие, какие сводят девушек с ума. На скулах россыпь веснушек.

---

⁴ «Спасатели Малибу», «Мелроуз Плейс» – телесериалы, соответственно 1989–1999 и 1995–1997 гг.

– Это ж надо, – восклицает он. Третий голос. – И впрямь вылитый Майкл Болтон! Ну очень похож... – Он наклоняется ниже. Одна из завязок на шее его зеленого халата щекочет мне лоб. – Безусловно. Эй, Майкл, спой что-нибудь.

«Помоги мне!» – вот единственное, что я пытаюсь спеть, но лишь смотрю в его темно-синие глаза немигающим взглядом мертвеца; я могу только гадать, мертвец ли я, неужели все так и происходит и каждый проходит через такое, когда останавливается насос? Если я еще жив, почему он не видит, как мои зрачки сужаются, реагируя на яркий свет? Но я знаю ответ на этот вопрос... или думаю, что знаю. Они не сужаются. Вот почему свет флюоресцентных ламп столь болезненный.

Завязка щекочет мне лоб, как перышко.

«Помоги мне! – кричу я пляжному красавчику, который, возможно, интерн, а то и вообще студент. – Помоги мне, пожалуйста!»

Но губы даже не дрожат.

Его лицо удаляется, завязка больше не щекочет меня, и весь этот белый свет струится в мои беспомощные глаза, которые не могут ни закрыться, ни отвернуться, проникает в мозг. Ощущение отвратительное, словно тебя насилуют. «Я ослепну, если придется долго смотреть на этот свет, – думаю я, – и это будет счастье».

БАЦ! Опять удар клюшки для гольфа по мячу, но не столь четкий. Хорошего результата ждать не приходится. Мяч в

воздухе... но отклоняется в сторону... отклоняется от... отклоняется к...

Черт!

Я по уши в дерьме.

Другое лицо попадает в поле моего зрения. Белый халат вместо зеленого, над ним – копна нечесаных рыжих волос. С ай-кью по первому взгляду просто беда. Конечно же, это Расти. На лице – широкая тупая улыбка, я называю ее школьной улыбкой, уместная для парня с татуировкой на здоровенном бицепсе: «СРЫВАЮ ЛИФЧИКИ».

– Майкл! – восклицает Расти. – Парень, ты прекрасно выглядишь! Это такая честь! Спой для нас, большой мальчик! Порадуй своим сладеньким голоском!

Откуда-то сзади раздается голос дока, холодный, по всему чувствуется, что кривляние Расти даме надоело.

– Прекрати, Расти, – затем, обращаясь к кому-то еще: – Как все вышло, Майк?

Майк – это первый голос, напарник Расти. Ему определенно не нравится работать с человеком, который хочет стать Эндрю Дайсом Клеем⁵, когда вырастет.

– Его нашли на четырнадцатой лунке «Дерри». Не на самом поле, в кустах. Если бы он играл один, если бы идущие следом игроки не увидели его ногу, торчащую из кустов, муравьи обглодали бы беднягу до костей.

В голове опять раздается звук «БАЦ!» – только на этот

---

⁵ Клей Эндрю Дайс – ведущий современный комик США, «король комедии».

раз его сопровождает другой, куда менее приятный: шуршащие кустов, в которых я шебуршусь крюком клюшки. Должно быть, на четырнадцатой лунке. Все знают эти кусты. Увиденные плющом и...

Расти все всматривается в меня с неподдельным интересом. Его интересует не смерть, а мое сходство с Майклом Болтоном. Да, конечно, я в курсе, не раз и не два пользовался этим в общении с клиентками. В остальном – никакого проку. А в сложившихся обстоятельствах... Боже.

– Кто подписал сопроводилровку? – спрашивает женщина-врач. – Казалян?

– Нет, – отвечает Майк и несколько мгновений смотрит на меня. Старше Расти лет на десять. Черные волосы, тронутые сединой. Очки. Как такое может быть? Почему никто из этих людей не видит, что я не труп? – Среди тех четверых, что нашли его, был врач. Его подпись на первой странице... видите?

Шорох бумаг.

– Господи, Дженнингс. Я его знаю. Проводил Ною диспансеризацию, когда ковчег вынесло на склон Арарата.

По лицу Расти видно, что шутка ему непонятна, но он все равно ржет, как лошадь. Меня обдает запахом лука, а если я улавливаю запах лука, значит – дышу. Должен дышать, правда? Если только...

Прежде чем я успеваю закончить мысль, Расти наклоняется ниже и во мне просыпается надежда. Он что-то заме-

тил! Что-то заметил и собрался сделать мне искусственное дыхание. Рот в рот. Благослови тебя Господи, Расти! Господи, благослови Расти и его луковое дыхание!

Но глупая улыбка не меняется, и вместо того чтобы приложить свои губы к моим, его рука скользит по моей челюсти. А теперь он зажимает ее между большим и остальными пальцами.

– Он живой! – кричит Расти. – Он живой и сейчас споет для клуба поклонников Майкла Болтона из секционного зала номер четыре.

Пальцы сжимаются сильнее, я даже чувствую боль, очень слабую, как при новокаиновой блокаде, начинают двигать челюсть вверх-вниз, зубы щелкают.

– Если она жесто-ока, она ничего не видит, – поет Расти отвратительным, напрочь лишенным мелодичности голосом, от которого голова Перси Следжа⁶ просто бы взорвалась. Зубы сжимаются и разжимаются, подчиняясь грубым движениям его руки, язык поднимается и падает, как дохлая собака, качающаяся на волнах.

– Прекрати! – рявкает на него женщина-врач. Она шокирована до глубины души. Расти, похоже, это чувствует, но не прекращает своего занятия. Теперь его пальцы щипают мои щеки. Мои замороженные глаза по-прежнему смотрят вверх.

– Повернись спиной к лучшему другу, если...

---

⁶ Следж Перси – знаменитый исполнитель в стиле соул, прозванный «Золотым голосом души».

А вот и она, женщина в зеленом халате, завязки шапочки болтаются на спине, как у сомбреро Сиско Кида⁷, на лбу челка, лицо миловидное, но строгое, не красавица, однако посмотреть есть на что. Хватает Расти одной рукой (ногти коротко подстрижены) и оттаскивает от меня.

– Эй! – негодует Расти. – Не трогайте меня!

– Тогда и ты не трогай его. – В голосе слышна злость, двух мнений тут быть не может. – Ты достал меня своими идиотскими шуточками, Расти. Еще раз что-нибудь выкинешь, я напишу докладную.

---

⁷ Сиско Кид – герой фильмов, телесериалов, комиксов, Робин Гуд Старого Запада, которого всегда сопровождает верный друг Панчо.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.